

РХТ 1286 209

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ПЕСЕННИК

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

Издание кружка
„Похвала народной песне и музыка“
Вытегра.
1920.

А. Кривошеи

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ.

*Кума моего ладвозерского медведя, мамину слезку, да
берестяный ребячий месяц Неувядаемым цветом
поминаю.*

* * *

Что ты, нивушка, чернешенька,
Как в нужду кошель порожнешенька,
Не взрастила ты ржи—гуменицы,
А спелёгала — к солнцу выгнала
Неедняк-траву, с горькой пестушкой?

Оттого я, свет, чернотой пошла,
По омежикам замуравела,
Что по вёдру я не косулена,
После белых рос не боронена,
Рожью низовой не засеяна...

А и что ты, изба, пошатилася,
С парежа-угара, аль с выпивки,
Али с поздних просонок расхамкавшись,
Вплоть до ужина чешешь пазуху,
Не запрешь ворот—рта беззубого,
Креня в сторону шолом-голову?

Оттого я, свет, шатуном гляжу,
Не смыкаю рта деревянного,
Что от бела дня до полуночи
"Воротись" вопю доможирщику,
Своему ль избяному хозяину,
Вопия, надорвала я печени:
Глинобитную печь с теплым дымником.
Видно утушке горькой—хозяюшке
Вековать придется без селезня...

Ты, дорога-путинушка дальняя,
Ярый кремень да супесь горячая,
Отчего ты, дороженька, куришься,
Обымаешься копотью каменной?
Али дождиком ты не умывана,
Не отерта туманом-ширинкою,
Али лапоть с клюкой-непоседою
Больно колют стоверстную спинушку?

Оттого, человек, я куревом
Замутилась, как плесо от невода,
Что по мне проходили солдатушки
С громобойными лютыми пушками.
Идучи, они пели: "лебедушку
Заклевать солеталися вороны",
Друг со другом крестами менялися,
Полагали зароки великие:
"Постоим-де мы, братцы, за родину
За мирскую Микулову пахоту,

За белицу-весну с зорькой-свеченькой
Над мощами полесий затепленной!.."
Стороною же, рыси лукавее,
Хоронясь за бугры да валежины,
Кралась смерть, отмечая на хартии,
Как ярыга, досрочных покойников.

Ах, ты, ель-кружевница трущобная,
Не чета ты кликуше осинушке,
Что от хвойного звона да ладона
Бьет в ладошки и хнычет по-заячьи;
Ты ж сплетаешь зеленое кружево
От коклюшек ресниц не здымаючи,
И ни месяц-проныра, ни солнышко
Не видали очей твоих девичьих.
Молви, елушка, с горя, аль с устали
Ты верижницей строгою выглядишь?
Не топор ли тебе примерещился,
Печь с беленым, развалистым жарником:
Пышет пламя, с таганом бодается,
И горишь ты в печице, как грешница?

Оттого, человек, я выгляжу
Срубом-церковкой в пуще забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву-Пятенку с Теплым Николою,

Припадала, как к зыбке, к валежине,
Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернелые...
Я покрыла ее епитрахилью,
Как умела родную утешила...
Слезы ж матери—жито алмазное,
На пролете склевала кукушица,
А, склевавши, она спохватилась,
Что не птичьё то жито, а Божие...
Я считаю ку-ку покаянные
И в коклюшках, как в требнике, путаюсь.

Небесный вратарь.

Как у кустышка у ракитова,
У колодечка у студеного,
Не донской казак скакуна поил,—
Молодой гусар свою кровь точил,
Вынимал с суммы полотеньшко,
Перевязывал раны черные...
Уж как девять ран унимались,
А десятая, словно вар кипит...

С белым светом гусар стал прощаться,
Горючьми слезьми уливатися:
"Ты прощай-ка, родимая сторонушка,
Что ль бажоная теплая семеюшка!
Уж вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свечи местные,—
Ставьте свеченьку в ноги резвые,
А другую мне к изголовьицу!
Ты, смеретушка—стара тетушка,
Тише бела льна выпрядь душеньку".

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седле удалец сидит,
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды-речи братские:
"Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор нес у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик—Свет-Солунским.
Об'езжаю я Матерь-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному;
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву,—
Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масляный,
Стежки торные поразметены,
Сукна красные поразостланы".

Солдатка.

Скучно молодешеньке у свекра жить в дому, .
Мне питье в досадушку, еда не по уму,
Русы мои косыньки повысеклися,
Белья руки примозолилися,
Животы приданое трунь взяла!

Погляжу я, беднушка, в стекольчато окно,—
Не увижу ль милого за рядой во торгу.
Ах, не торг на улице, не красная гульба,
А лежит дороженька Коломенская!..

Как по этой ли дороге воевать милой ушел,
Издавеча слал поклоны, куньей шапкою махал,
На помин зеленой иве часто ветье заломал:
"Мол, пожди меня, сударка, покуль ива зелена,
А как ива облетит, втымеж я буду убит,
Меня ветер отпоет, полуночь глаза сомкнет,
А поплачут надо мной воронье с ковыль-
травой!"

Обидин плач.

В красовитый летний праздничек,
На раскат-широкой улице,
Будет гульное гуляньице—
Пир—мирское столованьице.
Как у девушек-согревушек
Будут поднизи плетеные,
Сарафаны золоченые.
У дородных добрых молодцев,
Мигачей и залихватчиков,
Перелетных зорких кречетов,
Будут шапки с кистью до уха
Опояски соловецкие,
Из семи шелков плетеные.
Только я, млада, на гульбище
Выйду в старо-старом рубище,
Нищим лыком опоясана...
Сгомонятся красны девушки—
Белолицые согревушки,
Как от торопа повального

Отшатятся на сторонушку.
Парни ражие, удалые
За куветы встанут талые,
Притулятся на завалины
Старики, ребята малые—
Диво-дивное увидючи,
Промежду себя толкуючи:
Чья здесь ведьма захудалая
Ходит, в землю носом клюючи?
Уж не горе ли голодное,
Лихо злое, подколенное,
Забезало частой рощею,
Корбой темной дремучею,—
Через лягу—грязь топучую,
Во селенье домовитое,
На гулянье круговитое?
У нас время не догуляно,
Зелено вино не допито,
Девицы не доцелованы,
Молодцы не долюбованы,
Сладки пряники не с'едены,
Серебрушки не доменены"...

Тут я голосом, как молотом,
Выбью звоны колокольные:
Не дарите меня золотом,
Только слушайте, крещеные:
Мне не спалось ночью синею

Перед Спасовой заутреней,
Вышла к озеру по инею,
По росе медвяной утренней.
Стала озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую, поддонную,
Про святую Русь крещеную.
От озерной прибауточки,
Водяной потайной басенки
Понабережье насупилось,
Пеной-саваном окуталось.
Тучка сизая проплакала—
Зернью горькою прокапала,
Рыба в заводях повытухла,
На лугах трава повызябла...

Я поведаю на гульбище
Праздничанам-залихватчикам,
Что мне виделось в озерышке,
Во глуби на самом доньшке.
Из конца в конец я видела
Поле грозное, убойное,
Костяками унавожено...
Как на полюшке кровавом
Головами мосты мощены
Из телес реки пропущены,
Близ сердечушка с ружья паля,
О бока пуля пролятыва,
Над глазами искры сыплотся...

Оттого в заветный праздничек,
На широкое гуляньице,
Выйду я, млада, непутною,
Встану вотдаль немогутною,
Как кручинная кручинушка,
Та пугливая осинушка,
Что шумит- поет по осени
Песню жалкую свирельную,
Ронит листья-слезы желтые
На могилу безымянную.

Мирская дума.

Не гуси в отлет собирались,
Не лебеди на озере скликались,
Подымались мужики—Пудожане,
С заонежской кряжистой Карелой,
С каргопольскою дикой Лешнею,
Со всею полесной хвойной силой,
Постоять за крещеную землю,
За зеленую мать-пустыню,
За березыньку с вещей кукушкой...

Из-под ели два-десять вершинной,
От сиговья Муромского плеса,
Подымался Лазарь преподобный
Ратоборцам дать благословенье,
Провещать поганых одоленье...
Вопрошали Лазаря Лешане,
Каргополы, Чудь и Пудожане:
"Истоци нам, Лазаре всечудный,
На мирскую думу сказ медвяный:

Что помеха злomu кроволитью
Ум-хитрец, аль песня межеумка
Белый воск, аль черное железо?"
Рек святой: "пятьсот годин в колоде
Почивал я, об уме не тшася,
Смерть моих костей не обглодала,
Из телес не выплавилa сала,
Чтоб отлить свечу, чей брезг бездонный
У умерших теплится во взоре,
По ночному кладбищу блуждает,
Черепa на плитах выжигая;
А железо проклято от века:
Им любовь пригвождена ко древу,
Сожаленью ребра перебиты,
Простоте же в мир врата закрыты.
Белый воск и песня-недоумка
Истекли от вербы непорочной:
Точит верба восковые слезы,
И ведет зеленый тайный причит
Про мужицкий рай, про пир вселенский,
Про душевный град, где "Свете тихий".
И тропарь зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,
Не подрубит яблони цветущей,
И веслом бездушным вод не ранит"...
Поклонились Лазарю Лешане,
Каргополы, Лопь и Пудожане:
"Сказ блаженный, как баю над зыбкой,

Что певала бабка Купариха
У Дедери Храброго на свадьбе".
Был Дедеря лют на кроволитье;
После же песни стал, как лес осенний,
Сердцем в воск, очами в хвой потемки,
А кудрями в прожелть листопада.

Поминальный причит.

Покойные солдатские душеньки
Подымаются с поля убойного:
До подкустья они—малой мошкой,
По надкустью же—мглой столбовитою,
В Божьих воздухах синью мерещатся,
Подают голоса лебединые,
Словно с озером гуси отлетные,
С свято-русской сторонкой прощаются.

У заставы великой, предсолнечной,
Входят души в обличие плотское,
Их встречают там горние воины
С грознокрылым Михайлом архангелом,
По три-краты лобзают страдателей,
Изгоняют из души боязнь смертную.
Опосля их ведут в храм апостольский—
По своим телесам окровавленным
Отстоять поминальную служебку.
Провит службу им Аввакум пророк,

Чтет писание Златоуст Иван,
Херувимский лик плещет гласами,
Солнце-колокол точит благовест.

Как улягутся веи сладкие,
Сходит Божий Дух на солдатушек,
Словно теплый дождь озимь ярую,
Насыщая их брашном ангельским,
Горечь бранных дней с них смываючи,
Раны черные заживляючи...

На последки же громовник Илья
Со Еремою запрягальником
Снаряжают им поезд огненный, —
Звездных меринов с колымагами,
Отвезти гостей в преблаженный рай,
Где страдателям уготованы
Веси красные, избы новые,
Кипарисовым тесом крытые,
Пожни сенные—виноград-трава,
Пашни вольные, бесплатежные—
Все солдатушкам уготовано,
Храбрым душенькам облюбовано.

Скрытый стих.

По крещеному Белому Царству
Пролегла великая дорога,
Протекла кровавая пучина—
Есть проход лихому человеку,
Что ль проезд ночному душегубу.
Только нету вольного проходу
Тихомудру Божью пешеходу.
Как ему—Господню—путь засечен,
Завален проклятым Черным Камнем
Из песен олонецких скрытников.

Не осенний лист падьмя-падет,
Не березовый наземь валится,
Не костер в бору по моховищам
Стелет саваном дымы-пажегу,—
На Олон реку, на Секир гору
Соходилася нища братия.
Как Верижники с Палеострова,
Возгорельщики с Красной Ягремы,

Солодьяжники с речки Андомы,
Крестоперстники с Нижней Кудамы,
Толоконники с Ершеедами,
Бегуны-люди с Водохлебами,
Всяка сборица-Богомольщина.
Становилася нища братия
На велик камень, со которого
Бел плитняк плитят на могилища,
Опосля на нем—внукам памятку—
Пишут теслами год родительский,
Чертят прозвище и изочину,
На суклин щербят кость Адамову...

Не косач в силке ломит шибанки,
Черный пух роня, кровью капая,
Не язвец в норе на полесника
Смертным голосом кличет Ангела,—
Что ль звериного добра пестуна,—
Братья-старища свиховалися,
О бульжину лбами стукнули,—
Уху Спасову вестку подали:
"Ты, Пречистый Спас, Саваофов Сын,—
Не поставь во грех въздыхания:
Али мы Тебе не служители,
Нищей лепоты не рачители,
Не плакиды мы, не радельщики,
За крещеный мир не молельщики,
Что нашло на нас время тесное,

Негде нищему куса вымолить,
Малу луковку во отищи с'есть?—
Во посад идти,—там табашники,
На церковный двор,—все щепотники,
В поле чистое,—там Железный Змий,
Ко синю морю,—в море Чудище!

Железняк летит, как гора валит,
Юдо водное Змию побратень:
У них зрак—огонь, вздохи—торопы,
Зуб—литой чугун, печень медная—
Запропасть от них Божью страннику,
Зверю, птичине на убой пойти,
Умной рыбице в глубину спляснуть!"

Покуль старица Спасу плакались,
На кажину тварь легота нашла:
Скокнул заюшка из-под кустьшка,
Вышел журушка из болотины,
Выдра с омота наземь вылезла,
Лещ по заводи пузыри пустил,
Ель на маковке крест затеплила.
Как на озере Пододонница,
Зедень кос чеша, гребень выронит,
И пойдет стозвон по зажоринам,
Через гатища до матерых луд,
Где судьба ему в прах рассыпаться,
Засинеть на дне ярым жемчугом,—
Так молельщикам Глас почувался:

"Погублю Ум Зла Я Умом Любви,
Положу препон силе Змиевой,
Прорашу в аду рощи тихие,
По земле пушу воды сладкие,—
Чтобы демоны с человечества
Перстнем истины обручились,
За одним столом предомляли б хлеб
И с одних древес плод вкушали бы!.."

Старцы Голосу поклонились,
Обоюдный труд взяли в размысел:
Отшатиться им на крещену Русь,—
По лугам идти—муравы не мять
Во леса ступить—зверю мир нести,
Не держать огня, труда с плоткою,
Что ль того ножа подорожного,
Когда Гремя гремит, Тороп с Вихорем
В грозном бою ломают палицы
Норовят сконать Птицу-Фиюса,
Вьюжный пух с нее снегом выперхать
Кровь заре отдать, гребень—сполоху,
А посмертный грай волку серому,—
Втымеж пахарю тайн не сказывать.
Им тогда вести речи вещие,
Когда солнышко засутемится,
И черница-тьма сядет с пядьцами
Под оконце шить златны воздухи,—
Чтоб в простых словах бранный гром гремел,

В малых присловьях буря чуялась,
В послесловии ж клетот коршуна,
Как душа в груди, ясно слышался,—
Чтоб позналася мочь несусветная,
Задолело бы гору в пястку взять,
Сокрушить ее, как соломину.

Слезный плат.

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный потеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел дорогой удалый разбойник,
На платок, как на золото, польстился—
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостинный,
Потеряжку почел за прибыль—
Получил перекупный убыток...
Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем переходим;
На платок он умильно воззрился,
Величал его честной слезницей:
"Ай же плат, много в устье морское
Льется речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,

Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном,
Чтобы вражья поганая сабля,
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмянней,
На Руси, как вежа зеленела,
И казала бы к раю дорогу!"

Песня о соколе и о трех птицах Божиих.

Как по озеру бурливому,
По Онегушку шумливому,
На песок-луду намойную,
На коряжину надводную,
Что ль на тот горячий камешек,
Прибережный кремень муромский,—
Птицы вѣщие слетались,
От туманов отряхались.
Перва птица-Куропь снежная,
Друга—черная Габучина,
А как третья птица вѣщая—
Дребезда золотоперая.
Взговорила Куропь белая
Человѣчьим звонким голосом:
Ай же, птицы вы летучие,—
Дребезда и ты, Габучина,
Вы летели мимо острова,

Миновали море около,
А не видли ль змея пестрого,
Что ль того Лихого Сокола?
Отвечали птицы мудрые:
Ай же, Куропь белокрылая,
Божья птица неповинная,
У тебя ль перо Архангела,
Голос грома поднебесного,—
Сокол враг, змея суровая,
Та ли погань стоголовая,
Обрядился не на острове,
Схоронился не на ростани,
А навис погодной тучею,
Разметался гривой долгою,
Надо свят-рекой текучею—
Крутобережною Волгою.
От налета соколиного,
Злого посвиста змеиноного,
Волга реченька смутилася,
В сине море етшатилася...
Ой, не звоны колокольные
Никнут к земи, бродят около,—
Стонут люди полоненные
От налета злого Сокола,
И не песня заунывная
Над полями разливается,—
То плакун-трава могильная
С жалким шорохом склоняется!..

Мы слетелись птицы умные
На совет, на думу крепкую,
Со того ли саду райского—
С кипариса—Божья дерева.
Мы удумаем по-птичьему,
Сгомоним по—человечьему
Я—Габучина безгрешная,
Птица темная, кромешная,
Затуманю разум Соколу,
Очи выключю у серого,
Чтоб ни близ себя, ни около
Не узнал он свету белого.
Дребезда тут речь сговорила:
Я развею перья красные,
На равнины святорусские,
В буруны озел опасные,
Что ль во те ли речки узкие.
Где падет перо небесное,
Там слепые станут зрячими,
Хромоногие—ходячими,
Без'языкие—речистыми,
Темноумные—лучистыми.
Где падет перо кровавое,
Там сыра-земля расступится,
Море синее насупится,
Вздымет волны над дубравою—
Захлеснет Лихого сокола,
Его силищу неправую,

Занесет кругом и около
Глиной желтою, горшечною,
И споет с победной славою
Над могилой память вечную.
Прибредет мужик на глинянник,
Кирпича с руды натяпает
На печушку хлебопечную,
На завалину запечную,
Станет в стужу полузимнюю
Спину греть да приговаривать:
Вот те слава Соколиная—
Ты бесславьем опозорилась.
Напоследок слово молвила
Куропь-птица белоперая:
А как я, росой вспоенная,
Светлым облаком вскормленная,—
Возлечу в обитель Божию,
К Саваофову подножию,
Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную.
Ту стихиру во долинушке
Молодой пастух дослушает,
Свесит голову детинушка,
Отмахнет слезу рубахою,
И под дудочку свирельную
Сложит новую бывальщину.

Аминь.

Беседный наигрыш,
стих доброписный,

"Его же в павечернее межлучасие
пети подобает, с малым погребом ног-
тевым и суставным".

Из Отпуска—тайного свитка олонецких
сказителей-скрытников.

По рождению Пречистого Спаса,
В житие премудрые Планиды,
А в успенье Поддубного старца,
Не гора до тверди досягнула,
Хлябь здынула каменною плешью,
В стороне, где солнышко ночует,
На кошме, за пологом кумачным,
И где ночь-горбунья зелье варит,
Чернит косы копотью да сажей,
Под котлом валежины сжигая,
Народилось железное царство
Со Вильгельмищем, царищем поганым.—
У него ли, нечестивца, войск—сила,

Порядового народа—несусветно;
Они веруют Лютеру-богу,
На себя креста не возлагают,
Великого говения не правят,
В Семик-день веника не рядят,
Не парятся в парной паруше,
Нечистого духа не смывают,
Опосля Удилену не кличут:
"Матушка ржаная Удилена,
Расчеши солому—золот волос,
Сдобри бражкой, патокою колос"...

* * *

Не сарыч кричит за буераком,
На свежьем детеньшей сзывая,
И не рысь прыскающая лесная
В ночь мяучит, теплой кровью сыта,—
То язык злокозненный глаголет,
Царь железный пыхает речами:
"Голова моя—умок лукавый,
Поразмысли—ты, пораскумекай,
Мне кого б в железо заковати?
Ожелезил землю я и воды,
Полонил огонь и пар шипучий,
Ветер, свет колодниками сделал,
Ныне ж я, как куропоть в ловушку,
Светел Месяц с Солнышком поймаю:
Будет Месяц, как петух на жердке,

На острожном тыне перья чистить,
Брезжить зобом в каменные норы
И блюсти дозоры неусыпно!
Солнцу ж я за спесь, за непокорство,
С ног разую красные бахилы,
Желтый волос, ус лихой косатый
Остригу на войлок шерстобитам.
С шеи Солнца бобчатую гривну
Кобелью отдам на ожерелок,
Повалю я красного спесивца
На полати с бабой шелудивой—
Ровня ль будет соколу ворона?"

Недуча солодяга без прихлебки,
Два же дела без третьего не гожи,
Третье ж дело—гуменная работа.
Выжать рожь на черниговских пашнях,
Волгу-матку разлить по бутылкам,
С питухов барьши загребая,
С уха ж Стенькина славного кургана
Сбить литую куяшную шапку,
А с Москвы, боярыни вальяжной,
Поснимать соболью пятишовку,
Выплесть с кос подбрусник златотканный,
Осыпные перстни с ручек сбросить.
На последки ж мощи Макавея
Истоloch в чугунной полуступе,
Пропустить труху через решета,
И отсеvком выбелить печища,

А попов, игуменов московских
Положить под мяло, под трепало—
Лоско ль будет черное мочало!..

* * *

Не медушник-цветик поит дрема
Па-вечерней съченной росю,
И не крест—кладбищенский насельник,
Словно столпник, в тайну загляделся—
Мать-Планида на Руси крещеной
От страды келейной задремала.
Был ли сон, аль малые просонки,
Только в'явь Планидушке явились
Петр апостол с Пятенкою-девой.
И рекли святые: "Мать-Планида,
Под скуфьей уснувши стопудовой,
За собой и Русь ты усыпила!
Ты вставай-ка, мать, на резвы ноги,
Повести-ка Русь о супостате.
Не бери в гонцы гуляку Вихря,
Ни сестриц Сутемок чернокосых,
Ни Мороза с Зоем перекатным:
Вихрю пляс, присвистка да присядка,
Балалайки дробь—всего милее,
Недосуг Сутемкам, им от Бога
Дан наказ Заре кокошник вышить,
Рыбьи глазки с зеньчугом не спутать,

Корзным стегом выпестрить очелье.
У мороза же не гладки лыжи,
Где пройдет, там насты да суметы,
В теплых пимах, в малице оленьей,
На ходе морозушко сопреет,
А, сопрев, по падям, по низинам
Расплеснется речкой половодной.
Звоняря же Зоя брать негоже—
Без него трущоба—скит без била,
Зой ку-ку загозье, гомон с гремью
Шаргунцами вешает на сучья;
Вечеру ж монашком сладкогласным
Часослов за елями читает...
Ты прими-ка, матушка Планида,
Во персты отмычки золотые,
Пробудившись, райскими ключами
Отомкни синь-камень несекомый,
Вызволь ты из каменной неволи
Паскарагу, ангельскую птицу
Супротив стожарной Паскараги
Бирюча на белом свете нету!.."
От словес апостольских Планида,
Как косач в мошище, встрепенулась,
Круту буйну голову здынула,
Откатила скуфью за Онего.
Кур-горой скуфья оборотилась,
Опушь стала ельником кромешным,
А завязка речкою Сорогой...

* * *

Ой, люди крещеные,
Толико ученые,
Слушайте-внимайте,
На улицу баб не пускайте,
Ребят на воронец
Дочуять песни конец,
На лежанку старух,
Чтобы голос не тух!
Господи благослови,
Царь Давид помоги,
Иван Богослов,
Дай басеньких слов,
В под'язычный сустав
Красных погребцов-слав,
А с того, кто скуп,
Выпеть денежек рубь!..

* * *

Тысчу лет живет Макоша-Морок,
След крадет, силки за хвоей ставит,
Уловляет души человечьи,
Тысчу лет и Лембэй пущей правит,
Осемьщину-дань собирая с твари:
С зайца шерсть, буланый пух с лешуги,
А с осины пригоршню алтынов,
Но никто за тысчу зим и весен
Не внимал напеву Паскараги!
Растворила вещая Планида,

Словно складень, камень несекомый,
И запела ангельская птица,
О невзгоде Русь оповещая:
Первый зык дурманней кос девичьих
У ручья знобник-цвет учуял,—
Он поблек, как щеки ненаглядной
На простилах с воином-зазнобой—
Вещий знак, что много дроль пригожих
На Руси без милых отдевочат.

Зык другой, как трус снегов поморских,
Как булатный свист несметных сабель,
Когда кровь, как жар в кузнечном горне,
Вспучив скулы, Ярость раздувает,
И киркою Смерть-кладоискатель
Из сраженных души исторгает.

Третий зык, как звон воды в купели,
Когда Дух на первенца нисходит,
В двадцать лет детину сыном дарит,
Молодицу ж—горлинку в семнадцать.
Водный звон учуял старичище
По прозванью Сто Племен в Едином,
Он с полатей зорькою воззрился
И увидел рати супостата.—
Прогуторил старый: "эту погань,
Словно вошь на гаснике, лишь баней,
Лютым паром сжить со света можно"...
Черпанул старик воды из Камы,

Черпанул с Онеги ледовитой,
И, дополнив ковш водой из Дона,
Три реки на каменку опружил.
Зашипели угорские плиты,
Взмыли пар уральские граниты,
Валуны Валдая, волжский щебень,
Навострили зубья, словно гребень,
И, как ельник, как над морем скалы,
Из-под камней сто племен восстало...

* * *

Сказенец—не бабье мотовило,
Послесловье ж присловьем не станет,
А на спрос: "откуль" да "что в последки"
Нам проиграет Кува—красный ворон;
Он гнездищем с Громом поменялся,
Чтоб снести яйцо—мужичью долю.

* * *

Ах, вы цветики, цветы лазоревы,
Алоцветней вы красной зорюшки,
Скоротечней вы быстрой реченьки!
Как на вас, цветы, лют мороз падет,
На муравушку белый утренник,—
Сгубит зябелю цвет, корень выстудит!

Ах, ты дитятко, свет-Миколушка,
Как дубравный дуб—ты матер-станлив,
Поглядеть кому—сердцу завистно,
Да осилит дуб душегуб-топор,
Моготу твою—штоф зеленого!

На горе стоит елочка,
Под кудрявою—светелочка,
Во светелке красны девушки сидят,
На кажинной брилянтиновый наряд,
На единой дочке вдовиной—
Посконь с серою мешковиной.

Наезжали ко светлице соколя,—
Все гостиные купецки сыновья,
Выбирали себе женок по уму,
Увозили распригожих в Кострому,
Оставляли по залавочкам труху—
Вдовью дочь Миколашке- питуху.

* * *

Вы, белила-румяна мои,
Дорогие, новокупленные,
На меду-вине развоженные,
На бело лицо положенные,
Разгоритесь зарецветом на щеках,
Алым маком на девических устах,
Чтоб пригоже меня, краше не было,
Супротивницам-подруженькам на зло.
Уж я выйду на широкую гульбу—
Про свою людям поведаю судьбу:
"Вы не зарьтесь на жар-полымя румян,
Не глядите на парчевый сарафан.
Скоро девушку в полон заполонит
Во пустыне тихозвонный белый скит".
Скатной ягоде не скрыться при пути,—
От любви девке сердца не спасти.

* * *

Западите-ка, девичьи тропины,
Замуравьтесь травую-лебедой,—
Молоденьке зеленой не топтати
Макасовым красным сапожком.

Приубавила гульбища-воленья,
От зазнобушки грамотка-письмо;
Я по зорьке скорописчату читала,
До полуночи в думушку брала.

Пишет девушке смертное прощенье
С Ерусланова, мильй, городка,—
На поминку шлет скатное колечко,
На кручинушку бел-гербовый лист.

Я ложила колечко в изголовье,—
Золотое покою не дает.
С ранней пташкой девка пробудилась,
Распрощалась с матерью, отцем.

Обряжалась черною монашкой,
Расставалась с пригожеством-красой...
Замуравьтеся, девичьи тропины,
Смольным ельником, частою лозой.

* * *

Я сгорела молоденька без огня,
Без присухи сердце высушила,
Уж как мой-то муж недобрый до меня,
Не купил мне-ка атласного платка,
А купил, злодей, коровушку—
Непорядную работушку!..

Лучше пуд бы мне масла купил,
Подрукавной муки бы мешок,—
Я бы повязь с япанечкой продала,
На те деньги бы стряпейку наняла,
Стряпея бы мне постряпывала,
Я б младешенька похаживала,
Каблучками приколачивала:

Ах, вы, красные скрипучи каблочки,
Мне-ка не с кем этой ноченькой легчи—
Нету деда, родной матери с отцем,
Буду ночку коротати с муженьком!

Муженечек на перинушке лежит,
А меня младу, на лавочку валит,
Изголовьицем ременну плеть кладет,
Потничком велит укутаться:

"Уж ты спи, моя лебедушка, усни,
Ко полуночи квашонку раствори,
К петухам парную баню истопи,
К утру-свету лен повыпряди,
Ко полудню вытки белые холсты,
К сутеменкам муженьку сготовь порты,
У портищ чтоб были строчены рубцы,
Гасник шелковый с кисточкою,
Еще пугвица волженая"...
Молода жена—ученая.

Плясея.

(Девка-запело):

Я вечер, млада, во пиру была,
Хмелен мед пила, сахар кушала,
Во хмелю, млада, похвалялася
Не житьем-бытьем—красной удалю.

Не сосна в бору дрожмя-дрогнула,
Топором-пилой насмерть ранена,
Не из невода рыба шалая,
Извиваючись, в омут просится,—

Это я пошла в пляску походом:
Гости-бражники рты разинули,
Домовой завыл—крякнул под полоз,
На запечье кот искры выбрызнул:

Вот я—
Плясея—

Вихорь, прах летучий,
Сарафан—
Синь-туман,
Косы—бор дремучий!
Пляс—гром,
Бурелом,
Лешева погудка,
Под косой—
Луговой
Цветик незабудка!

(Парень-припевало):

Ой, пляска приворотная,
Любовь—краса залетная,
Чем вчуже вами маяться,
На плахе белолиповой
Срубить бы легче голову!

Не уголь жжет мне пазуху,
Не воск—утроба топится,
О камень—тело жаркое,
На пляс—красу орлиную
Разбойный ножик точится!

* * *

Ах, подруженьки-голубушки
Луговые серы утушки,
Вы берите-ка скорешенько
Пялы новые, точеные,
Еще иглы золоченые,
Шелк бурмитчатый, наводчатый,
Мелкий бисер с ясным золотом,
Расшивайте к сроку-времени
Разузорчатую завесу!
На одном углу—скради глаза,
Наведите солнце с месяцем,
На другом углу—рехнись ума,
Нижьте девушку с прилукою!

Как наедут сват со свахою,
Поезжане с девьим выкупом,
Разглядятся и раззарятся
На мудрены красны шитицы,
А раззарясь, с думы выкинут
Сватать павушку за ворона,
Ощипать перо лазорево,
Довести красу до омута!

Бабья песня.

Страховито деревинке под грозой стояти,
Листопадные волосья по ветру трепати,
Таково ли молоденьке за неладным мужем,
Как за вороном касатке, годы коротати.

Надоумилося птахе перышки оправить,—
Молодешеньке у мужа спеси приубавить.
Я рядилася в уборы—в дорогую кикю,
Еще в алу косоплетку—по любезну память,

Улещала муженечка в рощу погуляти,
На заманку посулила князем величати.
Улучала молоденька времени маленько,—
Привязала лиходея ко дремучей ели.

Я гуляла-пировала круглую неделю
С кудреватым, вороватым, с головой
разбойной.

По разлуке, по гостибью разуму хватилась,
Заставала душу в теле—муженька у ели:

"Еще станешь ли, негодный, лобу веселити?"—

"Ой, сударыня-жена, буду забавляти!" —

"Еще станешь ли, негодный, на гульбу возити?"—

"Ой, боярыня-жена, буду на пеганке!"

"Ах, пегана у цыгана, сани на базаре,
Крутобокое седельце у дружка в промене,
Погонялочка с уздицей — в кабаке на спице".

* * *

Я ко любушке-голубушке ходил,
Голубую однорядку износил,
Шубу беличью повыволочил,
Коробейку мелких денег издержал,
Разлюбезной воркованьем докучал:
Я куплю тебе гостинец — скатну нить,
Буду баско оболоченой водить.
Разлюби ты дегтегона-лесника,
Лаптевяза да Мирона-резчика.
Не подмигивай торговому в ряду,
Не обранивай платочка на ходу,
Протопопу белой ручкой не маши,
Не заглядывай в рыбацьи шалашаши,
У калачника не мешкай в куреню,
Не давай овса гонецкому коню,
На гонца крутую бровь не наводи,
Чтобы сердце не кровавилось в груди!
У гонца не застоялая душа,—
В торбе ложка и походная лапша.

Он тебя за белояровый овес
Доведет до неумных горьких слез,
Что ль до зыбки—непотребного лубка,
До отцовского глухого кулака,
Будет зыбочка поскрипывать,
Красна девушка повздыхивать!

Песня про судьбу.

Из-за леса—лесу темного,
Из-за садика зеленого,

Не ясен-сокол вылетывал,—
Добрый молодец выезживал.

По одежи он купецкий сын,
По обличью парень-пахотник.

Он под'ехал во чистом поле
Ко ракивовому кустику,

С корня сламывал три прутика,
Повыстругивал три жеребья.

Он слезал с коня пеганого,
Становился на прогалине,
Черной земли низко кланяясь:

"Ты ответствуй, мать-сыра земля,
С волчняком-травой, с дубровою,

Мне какой, заочно суженый,
Изо трех повыбрать жребий?

Первый жребий—быть лапотником,
Тихомудрым, черным пахарем,

Средний—духом ожелезиться,
Стать фабричным горемыкою,

Третий—рай высокий, мысленный,
Добру молодцу дарующий,

Там река течет животная,
Веют воздуха безбольные,

Младость резвая не старится,
Не седеют кудри-вихори".

* * *

Меня матушка будит спозаранья,
Я поздешенько, девушка, встаю;
Покуль белое личко умываю—
Мне изюмный калачик испечен,
Покуль в цветное платье обряжаюсь,
Мне-ка чарочка меду подана,
Пока медом калачик запиваю,—
На работу подруженьки уйдут...
От крестьянской работки-рукоделья
У подруженек рученьки болят,
Болят спинушка с буйной головою,
Ретивому сердечку тяжело...
Мне ж едина работушка далася—
Шить наводь по алому сукну.
Ах, с сиденья, с девичьего безделья
Споллюблю я удала паренька,—
С распригожим не будет девке тошно
До замужества время коротать,—
До того ли замужества-разлуки,

До проклятого бабьего житья!
Распроклятое бабье жированье,
Расхорошее девичье житье:
Уж я выплюся девушкой досыта,
Нагуляюся красной до любви.

Ивушка зелененька...

Ивушка зелененька—
Девушка молоденька.
Стали иву ломати—
Девку замуж отдавати.
Красна девушка догадалась,
В нову горницу, свет, кидалась:
"Ах, ты, горенка—светлая сидельня,
Мне-ка нонева не до рукоделья,
А еще не до смирных беседы,
Ах, вы, пялы мои золочены,
Ворота ли вами подпирати?
Вы, шелки мои— бобчаты пояся,
По сугорам ли вас расстилати?
Уж вы плящие, ярые свечи
Темны корбы ли вами палити?
Ты согрева—муравчата лежанка,
Не смолой ли тебя растопити?"
Отвечала лежанка- телогрейка,
Она речью крещеной человечесьей:

"Лучше б тебе, девушке, родиться
Во сыром болоте черной кочкой,
Чем не милу сапог разувати,
За онучею гривну искати,
За нее лиходея целовати!"

Пропитущая песня.

Летел орел за тучею,
В догонку за гремучею,
Он воздуха разреживал
А туч не опереживал.

Упал орел на застреху
Кружала затрапезного,
Повыглядел в оконницу
Становище кабацкое.

Он в пляс пошел—завихрился,
Обжег метельным холодом,
Нахвальщиков- кудрявичей
Притулил на залавицы...

Ой, яра кровь орлиная,
Повадка—поступь гульная,
Да чарка злая, винная,
Что песенка досюльная,

Не мимо канет-молвится.
Глянь, пьяница-пропойщина,
Мирская краснобайщина,
Тебе ль попарщик сиз орел,
Что с громом силой мерялся,
С крыла дожди отряхивал,
С зениц стожары- сполохи,

Ан он, за красоулею
Погнавшись, стал вороною,
Каркуньей загуменною.

А и все-то она, ворона, грат,
На весь свет растопорха пеняет:
"Извели меня вороги-люди,
Опризорили зависть да лихо,
Разлучили с невестой-звездю,
Подружили с вороньею жирой,
С загуменною, пьяною долей!"

* * *

На селе четыре жителя,
Нет у девки уважителя,—
Как у Власа-то савраса борода,
У Никиты нос подбитый навсегда,
У Савелья от безделья чернота,—
Не выводится цыгарка изо рта,
У Ипата кудревата голова,
Да пронесена недобрая молва:
Будто ночью Ипатушка
Загубил свою разлапушку,—
Вышибал ей печень черную,
За повадку непокорную,
За орехи, за изюмные стручки,
За ручные мелкотравчатые платки,
На платочках красны литеры—
Подарил купец из Питера...
Кабы я Ипату любушкой была,
Не такое бы бесчестье навела,
Накурила бы вина позеленей,

Напекла-бы колобов погорячей,
Угостила-б супостата-миляша,
Чтобы вышла из постылого душа!..

Ах, тальянка медноборчатая,
Голосистая, узорчатая,
Выдай погрецы детинушке—
Ласкослову сиротинушке,
Чтобы девку не сушила сухота,
Без жадобного не сгибла б красота,
Не палила б мои кречетьи глаза
Неумная капучая слеза!

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	стр.
Что ты, нивушка	5
Небесный вратарь	9
Солдатка	11
Обидин плач	12
Мирская дума	16
Поминный причит	19
Скрытый стих	21
Слезный плат	26
Песня о соколе	28
Беседный наигрыш	32
Ах, вы цветики...	40
Вы, белила-румяна мои...	42
Западите-ка, девичьи тропины...	43
Я сторела молоденька...	45
Плясея	47
Ах, подруженьки-голубушки...	49
Бабья песня	50
Я ко любушке-голубушке ходил...	52
Песня про судьбу.	54
Меня матушка будит...	56
Ивушка зелененька	58
Пропитущая песня	60
На селе четыре жителя...	62

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ПЕСЕННИК

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

Издание кружка
„Похвала народной песне и музыка“
Вытегра.
1920.

Литературно-издательская артель
«Алексей Казаков со товарищи»

Челябинск — 1995

Николай Клюев

ПОРТРЕТ Н. КЛЮЕВА
работы художника Б. Григорьева
(1919).

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ ПОЭЗИИ

Песенный сборник Николая Клюева «Неувядаемый цвет», вышедший 75 лет назад в далекой северной былинной Вытегре, — издание уникальное: по языковому слогу-причету, по своей строгой красоте музыкально-народного строя. Даже в самой Вытегре не сыскать сегодня днем с огнем эту небольшую книжку, что стоит многих фолиантов...

Поминальным словом отзывается в нас песенное клюевское заветное пламя-радость «узорной славянской музыки». Благодарным словом-звуком олонецкого «черемухового ветерка», северных «синих цветов», «где слезы ландышей, барвинок»...

Всего-то 23 стиха-наигрыша в этой милой дорогой книжке, но каждое слово есть песня-успокоение исстрадавшейся душе нашего смутного ожесточенного времени уходящего XX века. Поистине, то «песня про судьбу» — отдельной личности и всего русского народа. Не «мертвой книгой» духовно «порабощенного пера» предстает нашему взору клюевский «Неувядаемый цвет», а бессмертным ликом вечной влюбленности в Русь-Россию:

И стих запел: люблю, люблю!

Как «василек в росистой ржи» проглядывает сквозь тягучую пелену минувших десятилетий светлый образ белеющей во мраке без-

временья скромной обложки «Неувядаемого цвета», под которой открывается «глубь Онега» великого поэтического откровения. «Аз же слышал от уст его таковыя, возрадовался радостию великою и пад поклонихся ему и отыдох с миром, и хвалих Бога моего от всег сердца... Аз же страдальческим венцом увязахся и воспомянух писание: многим бо волнам к камени приражающимся...», — как излагал в своем духовном завещании Лазарь Муромский, земляк Клюева.

Пришла, пришла пора и многострадальному «русскому берестяному Сирину» спеть вновь свои «многопестрые колдовские свирели», чтобы птицы Севера разнесли по всему миру их красочные звуки-послания ко всем отзывчивым сердцам. «Просвещенным и хорошо грамотным людям давно знаком мой облик как художника своих красок и в некотором роде туземной живописи. Это не бравое «так точно» царских молодцов, не их формы казарменные, а образы, живущие во мне, заветы Александрии, Корсуня, Киева, Новгорода, от внуков велесовых до Андрея Рублева, от Даниила Заточника до Посошкова, Фета, Сурикова, Нестерова, Бородина, Врубеля и меньшого в шатре Отца — Есенина», — писал Н. А. Клюев в 1932 году, обращаясь во Всероссийский союз писателей.

Из «темного плена жизни» произросли лирические переживания Николая Клюева, посылавшего свои первые поэтические опыты в

столицы с отчего края, с берегов студеной Андомы, из деревни Желвачево «о 8-ми дворах». В бедности и лесном одиночестве складывались песенные строки про «гагарьи туманы», «волну Палеостровскую», «златоглавые Кижы», образуя стройный «терем красок». Не случайно поэт именовал себя «олонецким Лонгфелло», ощущая внутреннюю силу эпического сказания о северной Руси-Олонии. Преодолевая «тяготенья тьмы» обыденности, поэт славословил песнями земной радости, обращаясь к брату-человеку:

Я принес тебе, мой милый,
Росный ладан и цветы.

И от песни к песне, от причета к наигрышу «длиннее и кручиннее становится запевоочка, крепче думушка сухотная неотпадная, голее горюшко голое, ярче и больнее ненависть зеленоглазая, изначальная ярость Земли-матери, придавленной снегами до часа и дня урочного» (из письма Н. Клюева к Александру Блоку, 1908).

Пленяясь «грустью несказанных намеков», Клюев взывал к душе человеческой, веруя в силу и святость образного слова, что способно запечатлеть и сохранить «пьянящие краски жизни». Ощущая себя истинным сыном матери-природы, с ее «струнно-певучей мудростью», поэт все время в тревоге за зримую «красоту недвижиму, лежащую»:

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь,

Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчут камыш.

Он всегда заодно «с душой-тишиной», с
естеством самой жизни, с ее веселыми и про-
тяжными мирскими песнями-думами...

Лирический Песнослов Николая Клюева
согрет вечно-весенним теплом «жданного дня»
летней красы, зримой будущности Нечаянной
радости «путеводных уз». То близкое и родное:

Сторона наша забытая,
Бездорожная, окольная,
О полдён некрасовитая,
На закате беспотемная.
На лугах у нас коровушки
Щиплют горькие лопушники,
Не поют весной соловушки
В прибережном черемушнике.
От глухой у парня участи
Муравой душа муравеет,
Будто колокол в зыбучести
Синя моря удаль ржавеет.
Пробудись било пучинное
Гулом в зыби, ветром в парусе,
Чтобы сердце лебединое
У детины бурей сталося!

Художник, «уразумевший единую душу во
всем», Клюев и в своих размышлениях выра-
жал философское состояние творчества: «Но
перейти за черту человеческой речи — подвиг
великий, для этого нужно иметь великую душу,
а главное веру в жизнь и благодаренье за чудо
бытия — за милые лица, за высокие звезды, за

разум, за любовь... Познание же «Вечной красоты» возможно только при освобождении себя от желаний Мира и той наружной, ложной красоты, которая людьми, не понимающими жизни, выдается за творчество, за искусство. Станным, конечно, покажется, что я, темный и нищий, кого любой символист посторонился бы на улице, рассуждаю про такой важный предмет, как искусство. Но я слушаюсь жизни, того, что неистребимо никакой революцией, что не подчинено никакой власти и силе, кроме власти жизни. И я знаю и верую, что близок час падения вавилона — искусства пестрой татуировки, которой, через мучительство и насилие, размалевали так называемые художники...»

Резьба ветхого деревянного ставня, узорчатый шеломок кровли, бирюза небесная и крик отлетающих журавлей — все это пленяло и вдохновляло олонецкого ведуна:

Белого духа
Устами моего сердца
Поют небо и земля...

Вот и близкому по духу Николаю Гумилеву Клюев написал свой сборник «Сосен перезвон» с убеждающей верой: «...Мы выйдем для общей молитвы на хрустящий песок золотых островов».

Такой общей молитвенной соборной радостью стали и клюевские братские песни из сборника «Неувядаемый цвет» (прозвучавшие прилюдно при содействии вытегорского круж-

ка «Похвала народной песне и музыке»). Песни, ставшие своеобразными олонецкими сказаниями о народной душе в минуты ее скорби и чаемого ожидания светлого дня в повседневном бытии. И автор их, «песенник Николашка по назывке Клюев славу поет, учестлив поклон воздаст» по сей день, в наши 90-е годы уходящего XX века. Ведь не зря же в ту далекую дремучую пору безвременья поэт-песенник, воздвигавший на северной Руси «град Любви и последних песен — с молитвой, любовью и поклоном», горестно восклицал: «Эх, пора тебе на волю, песня русская, непогодю повитая, во крови, в слезах крещеная, омытая!» (1927).

Оттого и весь песенный свод «Неувядаемого цвета» — зримое, вещественное свидетельство, пример неистребимого «всеславянского писания» русского народа: от протопопа Аввакума до Клюева. Как возглашал с огневой истовой верой-пророчеством великий духом предок поэта из своего Пустозерского заточения-узилища: «...И вы, Гбспода ради, чтущии и слышашии, не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык... Я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго».

Блистаньем своевольным отмечен и лирический русский стих Н. Клюева в неувядаемом цвете его «полесной яблони-песни, чьи цветы плашаницы духмянней».

Не от таких ли песен происходит духовное обновление и очищение сердца?..

Не от таких ли слов-обращений к каждому, кто открыт душой навстречу лирическому чувству,— (слышите?): «Самоцветный Сирий поет в твоих перстах, светлый мой брат. Лик твой в камне хризопразе, где лики всех наших русских красотоделателей от внуков Велесовых до Сурикова. Привет тебе и крепость. Н. Клюев».

Неувядаемым цветом, зеленеющей вехой ожил сегодня благодатный поэтический мир художественных образов Николая Алексеевича КЛЮЕВА (1884—1937), чья подвижническая жизнь оборвалась на излете в застенках сибирского советского концлагеря.

Но вновь над отчим Андомским погостом Клюевского Вытегорья, «по Онегушке шумливой» звучат свирельные звуки олонецкого сказителя, слагавшего еще на заре нашего века свою заветную святорусскую северную бывальщину...

Нет, не погибла «наша русская правда», презрев «железное быдло» всевозможных пролеткультов.

Слышен еще «далеко по синим поречьям благодатный печерский звон».

Жива «лебедь-Россия» на своих родных синезерях!

Алексей КАЗАКОВ

Вытегра — Челябинск

Эх, пора тебе на
волю тысячу русская,
непогодю, невзгодю по
витаю, во крови во слезах
крещеная омытая!

—

Эх, пора тебе на волю, песня русская,
Непогодю, невзгодю повитая, во крови,
В слезах крещеная, омытая!

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

(Репринтное издание 1920 года. Вытегра)

«Что ты, нивушка, чернешенька...»	5
Небесный вратарь.....	9
Солдатка.....	11
Обидин плач.....	12
Мирская дума.....	16
Поминный причит.....	19
Скрытый стих.....	21
Слезный плат.....	26
Песня о соколе.....	28
Беседный наигрыш.....	32
«Ах, вы цветики, цветы лазоревы...»	40
«Вы, белила-румяна мои...»	42
«Западите-ка, девичьи тропины...»	43
«Я сгорела молоденька без огня...»	45
Плясая.....	47
«Ах, подруженьки-голубушки...»	49
Бабья песня.....	50
Я ко любушке-голубушке ходил.....	52
Песня про судьбу.....	54
«Меня матушка будит спозаранья...»	56
Ивушка зелененька.....	58
Пропитушая песня.....	60
«На селе четыре жителя...»	62
НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ ПОЭЗИИ — А. Казаков	67

Репринтное воспроизведение издания 1920 года. Вытегра.

Выпуск осуществлен за счет средств артели «Алексей Казаков со товарищи» при участии ТОО «Лад».

ISBN 5—86178—013—7

© А. Л. Казаков: послесловие (Челябинск; 1995).

© Артель «Алексей Казаков со товарищи»; 1995.

Редактор А. Л. Казаков
Технический редактор Л. М. Гребенюк
Корректор Л. В. Скрябник
Сдано в набор 13.07.95
Подписано в печать 21.08.95
Формат 70×100/32
Бумага офсетная 2
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Объем 6,175 усл. п. л.
Тираж 2000 экз. Заказ 3277. Цена «С».

Межрайонная типография.
454106. Челябинск, Северокрымская, 20.
Тел.: 41-71-51, 41-12-72, 41-20-04.